

Исрапилова Зарема Анваровна, Мирзаханов Джабраил Гасанович

АГРАРНЫЕ БОГИ И ИХ ПЕРСониФИКАЦИЯ В ДОМОНОТЕИСТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ДАРГИНЦЕВ

В статье рассматриваются персонажи языческого пантеона - аграрные божества - и их персонификация у одного из дагестанских этносов - даргинцев. Авторы указывают на связь этих персонажей с культами солнца, плодородия и предков. Особо подчеркивается, что выступавшие в женских и мужских обликах мифологические образы непосредственно связаны с покровительством отдельных циклов аграрного производства. Аграрные боги и их персонификации призваны были обеспечить хорошим урожаем, приплодом скота и защитить от неблагоприятных воздействий стихии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-2/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 2. С. 65-68. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются персонажи языческого пантеона – аграрные божества – и их персонификация у одного из дагестанских этносов – даргинцев. Авторы указывают на связь этих персонажей с культами солнца, плодородия и предков. Особо подчеркивается, что выступавшие в женских и мужских обликах мифологические образы непосредственно связаны с покровительством отдельных циклов аграрного производства. Аграрные боги и их персонификации призваны были обеспечить хорошим урожаем, приплодом скота и защитить от неблагоприятных воздействий стихии.

Ключевые слова и фразы: традиционные верования; аграрные божества; культ плодородия; календарная обрядность; дух хлебного поля.

Исрапилова Зарема Анваровна**Мирзаханов Джабраил Гасанович**, к. филос. н.

Дагестанский государственный технический университет

israpilova1966@mail.ru

**АГРАРНЫЕ БОГИ И ИХ ПЕРСОНИФИКАЦИЯ
В ДОМОНОТЕИСТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ДАРГИНЦЕВ**

В традиционных религиозных воззрениях даргинцев значительное место занимала вера в аграрные божества, что было связано с древними традициями земледелия и скотоводства. С. А. Токарев отмечает, что форма религии, называемая земледельческой религией сельской общины, складывается именно как следствие замкнутости, внутренней солидарности сельской общины и земледельческого, консервативного по своему укладу хозяйства. «По своему идейному содержанию это обычно культ божеств, так или иначе связанных с земледелием: культ покровителей плодородия, божеств грозы и дождя, земли и духов растительности, почитание священных мест и т.п. Обрядность религии сельской общины бывает связана с сезонными земледельческими работами, со стремлением обеспечить урожай, с магией погоды» [5, с. 368].

В соответствии с верованиями даргинцев от аграрных божеств зависел результат будущего урожая и приплод скота, что обусловило функционирование ряда магических праздников, ритуалов, примет, заклинаний, пословиц и поговорок, связанных с культом плодородия. Наиболее ярко последний проявлялся в календарной обрядности даргинцев. Так, в приготовлении ритуального варева *шабци* на осенне-зимних посиделках, чуду из первой весенней зелени и яиц при наступлении весны, выпечке ритуального хлеба в виде огромных баранок, начиненных яйцами, орехами, фасолью, курагой, проявлялось пожелание богатого урожая в наступающем году. Первый весенний гром даргинцами воспринимался как предвестник будущего обильного урожая и потому сопровождался заговором-заклинанием. При первом выгоне скота женщины несли домой большой камень с заклинанием сделать столько же масла летом. Более ярко культ плодородия проявлялся в празднике первой борозды, одно из названий которого «хьулла мехъ» – «свадьба пашни»: здесь и обсыпание главного пахаря землей с пожеланием богатого урожая, и бросание горсти земли внутрь его штанов с целью передачи плодородных сил человека пашне, и изготовление женской куклы-образа духа пашни, и благопожелания типа «дърхъаб», «хьу дърхъ» («да будет урожай», «да будет пашня богатой»). В календарных весенних праздниках «шин даркъес», «сусапла хъаличе» и летних обрядах «мурсала», «михъбе» часто присутствуют элементы сватовства и свадьбы, связанные с культом плодородия. Последний проявлялся и в изготовлении своеобразных деревьев плодородия (яичные деревья) в кубачинском празднике-игре *гулала акъв булкъун*, амугинском летнем празднике *гезма*. На празднике первой борозды в с. Кища готовилось дерево изобилия, которое украшалось куклами из хлеба, пирогами, яйцами.

В структуре традиционного общественного быта даргинцев большое место занимала система праздников и обрядов, среди которых наиболее яркими, массовыми и любимыми были молодежные праздники (спортивный праздник *хулагъаяр*, праздники *Цинаце* (хождение за белой глиной), *Чухъла* (сбор травы для веников), *Аше бахъни* (сбор тмина), *Шин даркъес* (ремонт родников, с. Гапшима)). В основе праздников лежала трудовая деятельность, служившая больше поводом для удовлетворения потребности в отдыхе, развлечениях, свободном общении.

Отсчет календарной обрядности принято начинать со дня весеннего равноденствия. У даргинцев он считался праздником Нового года. Сюринцы селений Урари, Цугни и Нахки называли этот праздник «День сжигания зимы огнем», другие даргинцы – «День огня», «День весны».

Чаще всего в эти весенние дни проводился праздник первой борозды – главный календарный и аграрный праздник даргинцев и других народов Горного Дагестана. В больших селениях этот праздник назывался «анжибакI» («срезание почвы»), «хьуке къелиале» («проведение черты»), «гъарша эс» («проведение борозды»), «хьу бяхIруме» («узрение лика пашни»), «хьуберхъ» («оплодотворение пашни»), «хьулла мехъ» («свадьба поля») и проводился поквартально или ежегодно для всего селения в порядке очереди. При создании первой борозды пахарь произносил заклинания такого содержания: «Да будет добрый урожай. Да будет мягкая погода, да не будет града. О, *Аллах*, ты можешь прокормить нас, дав хороший урожай, а можешь и оставить без хлеба», «Пусть поле уродится, пусть люди наедятся, пусть овец будет много», «Да будет урожай! Да будут дожди мягкими, трава хорошей, да не падут на людей неожиданные несчастья, да увеличится количество людей и да будут они счастливы!».

Во время следования к месту проведения борозды всем встречным раздавали треугольные лепешки *къяна*, начиненные сыром и обмазанные смесью меда, топленого масла и толокна. Большое место в ритуальной пище занимали баранки *уригар* (с. Ашты), *къучча* (с. Худуц), надевавшиеся на ярмо и рога быков, при помощи которых проводили первую борозду. Эти же баранки служили и призами для победителей спортивных соревнований праздника. К ритуальным же хлебам в с. Ашты относились и печенья, которым придавали форму сосуда и в таком виде запекали в печи. После выпечки их заполняли халвой. В с. Кунки на праздник выпекали хлеба из слоеного теста и пирог, начиненный мясом, творогом, яйцами, жиром. Главным актом праздника было проведение «старшим пахарем» («хула хъубзар») ритуальной борозды. Пахарь был одет в шубу, вывернутую мехом наружу, что символизировало густые всходы зерновых. В момент проведения борозды его обливали водой, забрасывали комьями земли [4, с. 179-180].

После проведения первой борозды проходили спортивные состязания – скачки, бег, борьба, метание камней, бои быков, травля собак и т.п. Урахины с. Мургук и сюргинцы с. Гуладты с гор катили специально для этого испеченный хлебный калач *май*, а акушинцы с. Муги спускали с горы хлеб, являвшийся призом для победителя соревнований. Хорошим признаком считалось, если он разбивался на мелкие кусочки – они как бы символизировали будущий богатый урожай, – и все кусочки этого хлеба старались подобрать взрослые и дети [2, с. 182].

Следует подчеркнуть, что на празднике первой борозды даргинцами выпекались и другие обрядовые печенья, служившие наградой победителям в спортивных состязаниях. Многочисленные обрядовые фигурные хлеба, фигурировавшие на этом празднике, являлись олицетворениями духа (хозяина) хлебной нивы.

Следует отметить, что дух хлеба, проявлявшийся в зооморфном и антропоморфном обликах, зафиксирован у многих земледельческих народов мира. Подобные примеры наблюдаются и в земледельческой обрядности народов Западной Европы (англичане, французы, итальянцы, бельгийцы, голландцы, швейцарцы, немцы и австрийцы), у которых дух хлебного поля, воплощенный в последнем снопе, мыслился в зооморфном и антропоморфном обликах кукол, сделанных из колосьев («жатвенный заяц», «волк», «собака», «кошка», «кобыла», «петух», «перепелка», «девушка», «старухи» и т.д.).

Особенно многочисленными были весенне-летние календарные праздники даргинцев. В начале лета у горцев происходил сбор лечебных и съедобных трав, сбор цветов. В урожайные годы по решению *джамаата* харбукцы и сюргинцы с. Гуладты проводили большие театрализованные праздники *Гезмунте/Гезмунти*. Инициаторами обычно выступали состоятельные тухумы, которые несли расходы по их проведению. Они выпекали *Гезмунтела чутту* («Пирог *Гезмунте*»), который относили к старшине села. Тот резал пирог на части и раздавал семьям, изъявившим желание взять на себя расходы на проведение праздника. Затем из нескольких претендентов выбирали шаха праздника, единственной обязанностью которого было не смеяться, как бы ни смешили его односельчане. Большую роль в организации праздничного веселья и импровизированных шуток играли ряженые *хъарчне*. Каждое утро ряженые объявляли о начале праздничного веселья и называли имя человека, взявшего расходы этого дня.

Лето также являлось одним из важных периодов в жизни земледельца, и его наступление отмечалось праздниками, обрядами, символизирующими конец весенних полевых работ и радость наступления летних дней. В обрядах этого цикла – много элементов культа солнца. В некоторых селах отмечался как праздник и период непосредственно перед жатвой. В обрядах, сопровождавших этот праздник, отражалось желание земледельца сохранить урожай, обеспечить достаток на весь год. Даргинцы особо выделяли середину лета, что, вероятно, также было связано с хозяйственной деятельностью горцев.

После окончания обмолота все даргинцы проводили обряд «окончания молотьбы». У даргинцев с. Уркарах и некоторых других селений этот обряд назывался *къубуц/Аллай* («зерножарение»). Окончание молотьбы отмечали сжиганием снопа с колосьями на сельском току. Зерно этого снопа раздавали участникам обряда, сопровождая это действие словами заклинания: «Пусть в благость будут! Пусть и в следующем году вырастет много!».

Суть обряда «окончания обмолота» заключалась в том, чтобы отметить весельем и угощением завершение жатвы, умилоствить природу и заручиться ее поддержкой на будущий аграрный сезон.

Завершают календарную обрядность даргинцев зимние праздники. Во многих даргинских селениях первый день зимы отмечали обильным ужином. Начинали еду с какого-нибудь очень жирного, изысканного блюда горской кухни – хинкала с курдюком, пирогов с сыром и т.п. Приступая к трапезе, старший в семье высказывал пожелание, чтобы такая обильная еда была в семье всегда, чтобы начинающийся год был урожайным, удачным для всех начинаний, чтобы все члены семьи были здоровы и т.п. В некоторых селениях вечером этого дня юноши и подростки ходили по домам, произнося необъяснимые словосочетания: «Хут, рут, гум». Хозяева наделяли их продуктами (яйца, сушеная колбаса, мясо, халва), которыми они затем угощались, собравшись где-нибудь вместе за селом.

Зимой или в начале весны жителями селений Верхнего Кайтага проводились обрядовые игры с большим пирогом *хвала чутту*. Главным моментом обряда была выпечка огромных пирогов круглой формы и его коллективное поедание. Общая идея большинства зимних праздников и обрядов – психологическая подготовка к началу сельскохозяйственного года. Большое место в обрядах зимнего периода занимали представления даргинцев, связанные с культами плодородия и солнца.

Так же как и у остальных дагестанцев и других народов мира, у даргинцев существовала вера в дух пашни и хлебного поля, воплощенный в последнем снопе. Ранней весной, после распахки и засева поля, каждый хозяин в центре своего участка ставил каменную плиту высотой примерно в полтора локтя – «целда»,

«татта» («отец»), «хъу дерхъла къаркъа» («камень для урожая пашни»). Считалось, что эта плита весь полевой сезон будет оберегать участок пашни от неблагоприятных воздействий стихии. Большинство даргинских субэтносов называли этот камень «хъубцар» («пахарь») и считали, что его ставят для того, чтобы засеянная пашня «не боялась бы», чтобы зерно хорошо проросло, посева были бы густые, то есть он был в их представлении «хозяином хлебного поля» [3, с. 103].

Жнец, первым увидевший плиту, ласково произносил: «Не обжигало ли тебя солнце, не пугал ли тебя гром?», после чего он сворачивал жгут из стеблей, посеянных на участке хлебных злаков, и повязывал им стелу в «поясе». Подобный же пояс он одевал и на себя. Затем жнец танцевал вокруг плиты, а все, кто присутствовал при этом, стоя хлопали ему. В некоторых случаях «пояс» для «татта» делали из последних стеблей колосьев на участке. Того, кто первым нашел «татта», хозяин пашни обильно угощал.

Чтобы задобрить дух пашни, во время жатвы готовили халву и раздавали ее, прося дух обеспечить в будущем хорошим урожаем. Олицетворением этого духа был межевой столб – *Ххарла џелтта*. Если во время жатвы жница натыкалась на него, то она останавливала работу, садилась у стелы и обматывала ее соломой.

Хозяева пашни готовили халву, приносили на поле и раздавали жницам и всем присутствующим. Тарелку с халвой подносили и стеле, прося ее сохранить будущий урожай, на что жница, нашедшая стелу, от ее имени отвечала: «Гъешгъуна гъахсе бакъухъ бирале, гедусра ну хушшала хъуке хербикъус» («Если будет такая же хорошая халва, я и в следующем году буду присматривать за вашим полем») [7, с. 246].

Таким образом, установленная на поле каменная плита олицетворяла собой «хозяина пашни» – «полевика», к которому обращались с просьбой охранять засеянное поле, так как он способствовал произрастанию на нем зерна и сохранению его от воздействия стихии, вредителей и т.д. «Хозяин пашни» в представлениях земледельца выступал в качестве обобщенного обожествленного предка, свидетельством чего является его название – «татта» («отец»). Предполагается, что в данной плите мы имеем изображение этого предка, не конкретизированное и еще не антропоморфизированное, хотя вербальная антропоморфизация здесь присутствует: к стеле обращаются как к живому человеку, повязывают ей пояс [1, с. 120-121]. Плита является символическим изображением доброго духа поля – полевика, «хозяина», «сторожа», «пахаря». Вера в дух хлебного поля, воплощенный в последнем снопе, сохранилась у многих народов. В нашем случае налицо его явная антропоморфизация.

У сюргинцев, муиринцев и др. сохранился обряд, связанный с обмолотом зерна. Так, собравшиеся на обмолот, не начинали работу по разбору скирды «хентла» или «инта», пока хозяин не преподносил им так называемый «пирог скирды» («интала чутту»). Этот пирог на специальных носилках приносили на ток. Данные действия сопровождалась обрядовой песней, посвященной пирогу.

У ураинцев олицетворением духа хлеба был *Зидуни*, с которым была связана одноименная игра. Обычно в нее играли после жатвы. Старшего по возрасту жнеца рядили в колосья последнего снопа, который у многих народов считался воплощением невидимого духа растительности. Затем остальные жнецы должны были в течение определенного времени ловить его. Если *Зидуни* удавалось поймать, то инсценировали его ритуальное умерщвление и «мертвого» несли в аул, чтобы все видели, что он убит. Если же *Зидуни* поймать не удавалось, выносили решение его не умерщвлять. Ему оказывали почести и до аула несли на руках. *Зидуни* был воплощением духа хлебной нивы в антропоморфном облике. Этот обряд демонстрирует наличие сюжета об умирающих и воскресающих богах. С культом плодородия, умирающим и воскресающим богом связано и так называемое «Шахское представление» – театрально-зрелищное представление-маскарад, бытовавшее до 20-х гг. XX века в с. Кубачи.

Миф об умирающих и воскресающих божествах встречается в религиозных верованиях многих народов мира. Это отмечал и Д. Д. Фрэзер, указывая на наличие в мифологии народов Передней Азии и Древнего Египта сюжета об отождествлении ежегодно умирающих и заново возрождающихся *Осириса*, *Таммуза*, *Адониса* и *Аттиса* с годовыми повторяющимися сезонами увядания и возрождения в природе растительной жизни [6, с. 364].

Таким образом, содержание общественных праздников, ритуалов, фольклор, лексика и фразеология, обрядовая пища свидетельствуют о том, что аграрные божества даргинцев были тесно связаны с культурами солнца, плодородия и предков. Эти божества персонифицировались в различных ипостасях: в виде неодушевленных предметов и объемных изображений (межевой столб *ххарла џелтта*, каменная плита *џелда*, *татта*, *хъу дерхъла къаркъа*, *хъубцар*), а также в аморфных и антропоморфных образах.

Список литературы

1. Булатов А. О. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – нач. XX в. Махачкала, 1990. 266 с.
2. Булатова А. Г. Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 286 с.
3. Мирзаханов Д. Г. Земледельческая обрядность даргинцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33). Ч. 2. С. 102-105.
4. Сефербеков Р. И., Исрапилова З. А. Мифологические персонажи традиционных верований буркун-даргинцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36). Ч. 2. С. 178-181.
5. Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990. 662 с.
6. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. М.: Политиздат, 1980. 831 с.
7. Юсупов Х. А., Муталимов М. А. Харбуццы: история и культура. Махачкала, 1997. 592 с.

AGRICULTURAL DEITIES AND THEIR PERSONIFICATION IN PRE-MONOTHEISTIC VIEWS OF THE DARGINS

Israpilova Zarema Anvarovna
Mirzakhanov Dzhabrail Gasanovich, Ph. D. in Philosophy
Daghestan State Technical University
israpilova1966@mail.ru

The article deals with the characters of the pagan pantheon – agricultural deities – and their personification in the views of one of the Daghestani ethnic groups – the Dargins. The connection between these characters and the cults of the sun, fertility and ancestors is pointed out. The authors emphasize that the mythological images represented in woman's and man's appearances are directly related to the patronage of the individual cycles of agricultural production. The agricultural deities and their personifications were destined to ensure good harvest, offspring of cattle and to protect against the adverse effects of the elements.

Key words and phrases: traditional beliefs; agricultural deities; fertility cult; calendar rites; spirit of grain field.

УДК 793.3

Искусствоведение

В статье рассматриваются проблемы сценического решения как составной части художественного хореографического произведения. Проводится анализ балетных спектаклей на основе трудов классиков хореографии, который дает нам основание утверждать, что проблема использования сценической площадки как выразительного средства давно интересует балетмейстеров. Выявлена и обоснована необходимость совместного использования горизонтали и вертикали не только в хореографии и сценографии, но и внутри танцевального текста. Доказана целесообразность использования сценической площадки как выразительного средства при постановке хореографических произведений.

Ключевые слова и фразы: сценография; хореографическое произведение; сценическая площадка; балетмейстер; балетный спектакль.

Карпенко Виктор Николаевич, к. пед. н., доцент

Карпенко Ирина Анатольевна

Татаринцев Андрей Юрьевич

Белгородский государственный институт искусств и культуры
nikita-61@mail.ru

СЦЕНОГРАФИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вопрос о выразительных возможностях сценической площадки в теории балетмейстерского искусства подробно не рассматривается. Хореографы в художественной практике полагаются на интуицию, на подсознательные ощущения, подсказывающие, как именно распорядиться сценой в каждом отдельном случае. При этом далеко не всегда используются многообразные выразительные возможности пространства.

Знакомство с трудами классиков хореографии дает нам основание утверждать, что проблема использования сценической площадки как выразительного средства давно интересует балетмейстеров. Еще великий мастер Жан Жорж Новерр в бессмертных «Письмах о танце» требовал от балетмейстера обладания знаниями «в области планировки и рисунка, необходимых при составлении бесконечно меняющихся в балете фигур» [3, с. 135].

Но здесь речь идет о размещении геометрическом, то есть горизонтальном. У Ж. Новерра мы находим стремление осознать и использовать закон перспективы, подобно тому, как это осуществлялось в живописи. Реформатор рекомендовал балетмейстерам: «Передние планы выделяются, а задние ослабляются благодаря воздушной перспективе; словом, все получает должную рельефность и приятно вырисовывается на соответствующем фоне» [3].

В данном контексте следует вспомнить описания «летающих балетов» Шарля Дидло. На воздух поднимались целые группы исполнителей, поражая зрителей «чудом оживления». А прелесть их заключалась в необыкновенной способности слить музыку танца с музыкой живописи декораций и театральных костюмов. Живописное изображение природы часто преображалось в ее музыкальное развитие.

Для наиболее яркого воплощения своих замыслов Ш. Дидло прибегал к всевозможным сценическим эффектам, но никогда не делал этого без необходимости, ради самих эффектов. Так, знаменитые полеты при помощи специальных машин были применены им в балете «Зефир и Флора» для полета бога ветра, затем в других балетах были и групповые полеты. Ф. Тальони в «Сильфиде» также использовал находку Ш. Дидло, без чего в этом балете ему было не обойтись.

Приступая к новой постановке оперы «Руслан и Людмила» в Большом театре в 1937 году, Р. В. Захаров вспомнил о полетах, изобретенных Ш. Дидло, и просил найти чертежи этих машин. Их нашли и приготовили